

Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов

Об экспедициях по поиску места Ледового побоища (по материалам дневников Г. Н. Караева)

***Кривошеев Юрий
Владимирович***
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

***Соколов Роман
Александрович***
д-р ист. наук,
проф., Российский
государственный
педагогический
университет имени
А. И. Герцена
(Санкт-Петербург,
Россия)

Материалы, собранные комплексной экспедицией по уточнению места Ледового побоища 1242 г.¹, в последние годы приобрели особую актуальность. Этому в значительной степени способствует постоянно возрастающий интерес к более широкой теме — жизни и деятельности Александра Невского, значению одержанных им военных побед и в целом формированию исторической памяти о нем². В современной историографии можно встретить необоснованно скептические выводы относительно заключений, сделанных в итоговой публикации руководителем экспедиции Георгием Николаевичем Караевым (1891–1984) и его соавторами³. В противоположность этому другие исследователи не видят аргументов для того, чтобы поставить под сомнение предложенные ими трактовки⁴.

Внести большую ясность в проблему позволяет изучение архивных документов, составляющих фонд Г. Н. Караева⁵, находящийся в древлехранилище Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. В рамках темы настоящей статьи наиболее ценная часть данной документации — дневники экспедиции (1957, 1958, 1959 и 1960 гг.), скрупулезно составленные ее руководителем⁶. Анализ их содержания позволяет получить целостное представ-

ление о том, как именно велись поисковые работы, а следовательно, доказательно судить о достоверности общих итоговых выводов.

Первый дневник составлен по результатам поездки Г. Н. Караева и его коллег в район Чудского озера практически по частной инициативе. Выехав из Ленинграда, на протяжении нескольких июльских дней 1956 г. они посетили Псков, Изборск, Печеры, Тарту, а также Мехикоорму и Самолву. Основной задачей на этом этапе стал максимальный сбор информации для дальнейшего использования. Дать ее могло, во-первых, изучение местности, а во-вторых, беседы с местными жителями, причем для Г. Н. Караева интерес представляли не только специалисты-историки, но и, например, рыбаки, чьи наблюдения, конечно, были также важны.

Уже во время первой остановки во Пскове состоялась беседа с Л. А. Твороговым⁷, не только указавшим на вышедшую по теме литературу, но и рассказавшим о жившей в Тарту вдове Э. К. Паклара⁸ — Вере Дмитриевне (в дневник вложен отдельный листок приблизительно формата А5 с ее адресом, записанным карандашом⁹).

Здесь же находим запись разговора с директором Псковского краеведческого музея И. Н. Ларионовым, из которой ясно, что внимание участников экспедиции уже тогда, на самом начальном этапе, привлекал один из островов Чудского озера, имеющий сходное с летописным топонимом (Вороний камень) название. Потому Г. Н. Караев тщательно зафиксировал слова собеседника: «На острове Вороний до последнего времени была посередине большая скала. В настоящее время она осела и находится под водой почти у поверхности, так что можно нащупать ногой, а сам остров разделен на две части, которые размываются течением и близки к тому, чтобы скрыться тоже под водой»¹⁰.

Далее, направляясь от Тарту до Мехикоормы, Г. Н. Караев не только внимательно осмотрел остров с борта теплохода, но и специально собирал у попутчиков сведения о нем: выяснилось, что местные жители напрямую связывали его с событиями 1242 г.¹¹ В Мехикоорме председатель сельсовета предоставил в распоряжение Г. Н. Караева моторную лодку, на которой он отправился прежде всего к тому острову, где состоялся разговор с бакенщиком, довольно подробно изложенный в дневнике. В содержании беседы, помимо прочего, следует обратить внимание на сообщение о подъеме уровня воды, которое из уст собеседника — человека, много лет жившего на озере, — звучало особенно убедительно¹².

Находясь с 21 июля в Самолве, Г. Н. Караев еще раз убедился, что местные предания так или иначе связывают место битвы с островом Вороний (например, сообщение А. Л. Салова)¹³. Отдельно следует сказать о предпринятой проверке сведений относительно Чудской Рудницы, приведенных в незадолго до того опубликованной статье М. Н. Тихомирова¹⁴. «Прояснился вопрос и о крестных ходах к могиле. В Чудскую Рудницу, как и в другие окрестные деревни, приезжали с “крестным ходом” монахи из Печерского монастыря. Это отнюдь не были специальные крестные ходы, как говорится у М. Н. Тихомирова. В деревне, у крестьян, была, однако, традиция: когда приезжал крестный ход, просить о поминовении “павших воинов”. По их просьбе крестный ход отправлялся

к кургану и происходило повиновение (лития?) подобно тому, как это было и в Самолве»¹⁵. Полностью подтвердились сведения о повышении уровня озера и о том, что камень у острова Вороний, ныне скрытый водой, когда-то выступал над уровнем озера, а острова Озолица и Вороний ранее были единой сушей, разделившейся позже надвое¹⁶.

Таким образом, уже тогда у Г. Н. Караева должна была появиться рабочая гипотеза, подтвердить или опровергнуть которую предстояло экспедиционными исследованиями.

Экспедиция 1957 г. по-прежнему организовывалась на общественных началах, но участвовали в ней уже специалисты. Проходили практику студенты, вели поиск археологи, выделили ресурсы военные, ДОСААФ, Гидрографическое управление и т. д. В современных условиях это было бы совершенно немыслимым, но в годы послевоенного подъема для руководителей разного уровня наибольшую важность имела общественная значимость проводимых мероприятий. Именно тогда в экспедиции появилось на постоянной основе судно — буксир «Искра», позже его сменил катер ГК-201. Записи в дневнике датированы периодом с 3 по 30 июля¹⁷.

Г. Н. Караев вновь собирает сведения об острове Вороний и о подводном камне¹⁸. Уже 8 июля были выполнены промеры глубин в этом районе и на их основе составлена сохранившаяся в деле карта на бумаге-кальке¹⁹.

Особо скажем о проводившихся тогда же водолазных работах, результаты которых важны для итоговых выводов Г. Н. Караева по экспедиции в целом. Они были основательно организованы, а допуск к ним имели лишь специалисты-профессионалы. Наиболее значимые из полученных данных задокументированы актом, под которым стоят подписи лиц, непосредственно выполнявших погружения. В акте описывалась обнаруженная «плоская скала» из бурого песчаника, расположенная на глубине 2–2,5 м между островами Вороний и Станок. Ее площадь составляла 10×30 м, к ней примыкали остатки объекта, который водолазы определили как стену толщиной до 5 м. Помимо этого, на дне были обнаружены фрагменты сложенного из такого же песчаника фундамента и остатки леса (пни), что еще раз подтвердило сведения о подъеме уровня озера²⁰.

Полученные сведения Г. Н. Караев обобщил в финальном разделе дневника 1957 г., озаглавленном «Некоторые первоначальные итоги и выводы»²¹. Здесь шла речь и о продолжающемся подъеме уровня Чудского озера, и о появлении широких протоков между ранее едиными островами Лежница и Станок, Вороний и Городец. Отмечено и наличие массива бурого песчаника. Вероятно, Г. Н. Караев связывал указанный геологический объект с летописным Вороньим камнем. Забегая вперед, скажем, что полученные в ходе дальнейших водолазных изысканий данные, по сути, лишь уточнили эту информацию.

В полевом сезоне 1958 г. работы продолжились уже на вполне официальной основе — по решению Президиума Академии наук СССР, поэтому и дневник озаглавлен несколько иначе: «Дневник работ комплексной экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища 1242 г. (лето 1958 г.)» (датировка записей — с 14 июня (отъезд из Ленинграда) по 24 июля 1958 г.)²². Размах, финансирование, а значит, и хлопоты существенно увеличились. Дела

потребовали от Г. Н. Караева совершить в мае два предварительных многодневных выезда Москву, потому он посчитал нужным сохранить табель-календарь, где скрупулезно отметил дни своего пребывания в столице и время работы экспедиции²³. В дневнике, наряду с информацией о взаимодействиях с различными учреждениями, отныне фигурируют сообщения о непростом взаимодействии с банком и с режиссером В. В. Мельниковым и его группой, снимавшей в то время по заказу «Леннаучфильма» документальную картину, посвященную экспедиции²⁴. Этот фильм вышел на экраны в 1959 г. под названием «На Чудском озере». Много лет спустя в своих воспоминаниях режиссер весьма иронично рассказывает о «генерале Бара-Бараеве»²⁵. Впрочем, академик М. Н. Тихомиров, курировавший исследования Г. Н. Караева от АН СССР, выезжавший непосредственно на место работ и составивший по результатам той поездки подробный дневник, о сотрудничестве с «киношниками», выполнявшими работу, по его мнению, «глуповато и араписто», отозвался с еще большей желчью²⁶.

Основное внимание в дневнике 1958 г. уделялось, конечно, не этому. Куда больше Г. Н. Караева заботило взаимодействие со специалистами-историками (академиком М. Н. Тихомировым, археологами Я. В. Станкевич, П. А. Раппопортом, И. К. Голуновой), а также непосредственное выполнение поисковых работ.

В распоряжении экспедиции появляется вертолет. В акватории озера с металлоискательной аппаратурой работали студенты-физики ЛГУ им. А. А. Жданова. Размах требовал правильной организации, а потому уже листы 3 и 4 дела, в котором находится дневник за 1958 г., представляют собой сделанные от руки схемы, наглядно демонстрирующие структуру подчиненности и сферу изысканий каждой отдельной группы.

Г. Н. Караев теперь регулярно проводил производственные совещания и инструктивные занятия; их содержание отражено в дневнике, а подготовленные к ним планы-наброски вложены в дело отдельными рукописными листами. В текстах (особенно в тех самых планах совещаний) все чаще звучат мотивы борьбы с нерациональным расходом ресурсов и нарушениями дисциплины. Объективной причиной этого был все тот же бóльший, нежели в предыдущие годы, масштаб экспедиции. Как человек военный, Г. Н. Караев искренне возмущался любым проявлением небрежного отношения к делу²⁷.

При проведении подводных работ усилия были сосредоточены на том же массиве песчаника, обнаруженном к западу от острова Вороний²⁸. Стало понятно, что в прежние века он мог представлять собой весьма высокий объект, который постоянно разрушала поднимающаяся вода, пока неустойчивая к ее воздействию порода не деградировала окончательно, уничтожив и когда-то заметный географический ориентир — Вороний камень.

Водолазы тщательно изучили найденную за год до этого кладку, составили ее план и даже, ввиду невозможности фотографировать в мутной воде, сделали зарисовки карандашом на фанере, позже перенесенные на бумагу²⁹. Итогом стал вывод об искусственном происхождении объекта, который в качестве составной части включал в себя упомянутый массив песчаника, скрытый

озером. Площадь ушедшего под воду разрушенного укрепления составляла 162×250 м³⁰, оно датировалось XV в., т. е. не имело отношения к Ледовой битве 1242 г., но вполне могло быть связано с другим упоминанием в псковских летописях Вороньего камня и с другим столкновением с немцами (1463 г.)³¹. Таким образом, во-первых, была подтверждена локализация летописного топонима, а во-вторых, стала более понятной этимология названия острова Городец. Эти выводы впоследствии появятся в изданной по результатам экспедиции коллективной работе³².

Дневниковые записи содержат отсылки к плану-схеме, где обозначено местоположение укрепления, а значит, и Вороньего камня, и к кроки (плану местности, сделанному путем глазомерной съемки). Однако в деле данные бумаги отсутствуют, хотя в других случаях, когда встречаются подобные ссылки, рукописные дополнения в виде вложенных листков неизменно сохранились. Вероятно, причиной стало то, что в дальнейшем при работе над книгами, посвященными экспедиции, Г. Н. Караев изъясил и активно использовал эти схемы, возможно, даже передавал их художникам-иллюстраторам.

Г. Н. Караев и его коллеги, конечно, рассчитывали, что им особенно улыбнется удача и в ходе подводных изысканий они найдут артефакт, который можно было бы соотнести непосредственно с Ледовой битвой. К сожалению, надежда не оправдалась. Не помогло и применение существовавшей тогда металлоискательной аппаратуры. Обоснованное и опять-таки заактированное объяснение этому дали специалисты-физики, сославшиеся, в частности, на большое количество породы, имеющей магнитные свойства и совершенно сбивающей показания приборов³³. К тому же средневековые битвы вообще оставляли после себя немного материальных свидетельств, примером чего может служить Куликовская битва, а ведь она произошла вовсе не на ледяной глади озера.

Дополнительная проблема заключалась в том, что дно озера покрыто мощным, до двух метров, слоем ила, в который водолаз полностью опускался и оказывался «слепым». Сделать в отложениях какое-то углубление также оказалось невозможно — грязь сразу же застлала удаленный слой³⁴. Г. Н. Караев постоянно консультировался по поводу возможных методик подводных раскопок в таких условиях, но совета нигде не получил. Это привело его к мысли о целесообразности организации в структуре одного из учреждений АН СССР «отделения или кафедры», занимающейся новой отраслью, которую он назвал в дневнике гидроархеологией³⁵.

Завершая дневник экспедиции 1958 г., Г. Н. Караев предложил собственную трактовку хода Ледовой битвы. Автор посчитал возможным указать на то, что большая часть русского войска в начале битвы укрывалась в прибрежном лесу³⁶, т. е. тогда Г. Н. Караев повторил предположение о наличии у Александра Невского засадного полка, которое позже, во время подведения итогов экспедиции и их изложения в «Трудах», было полностью отброшено. Более того, сам Г. Н. Караев критично высказывал автору первой в советской историографии статьи об Ярославиче³⁷: «С легкой руки Козаченко эта фантастическая “засадная дружина”, или “засадный полк”, прочно вошла в военно-историческую

литературу, в том числе — в учебные пособия»³⁸. Вместе с тем локализация битвы в дневнике 1958 г. и в «Трудах» экспедиции совпадает, т. е. мнения относительно этого вопроса Г. Н. Караев не менял. Именно поэтому основное направление подводных работ экспедиции в 1959 г. осталось без изменений.

Дневник сезона 1959 г. освещает исследования, проводившиеся с 12 июня по 7 августа. Его текст подготовлен более аккуратно, почти безупречно. Материалы производственных совещаний, конспекты выступлений Г. Н. Караева представлены не в виде рукописных вкладок (как в записях прошлых лет), они набраны в соответствующих местах текста на машинке (это характерно и для экспедиционного дневника 1960 г.).

Предварительно на Ленинградском экспериментальном фанерном заводе был изготовлен специальный кессон, с помощью которого планировалось осуществить дополнительные изыскательские работы. Предполагалось, что его погружение осуществится с двух катеров. В дальнейшем организация работы кессона заняла значительную часть времени, но оказалась малопродуктивной. Ситуацию усложняло отсутствие опыта подводных археологических изысканий в северных широтах³⁹. Действительно, вплоть до 1980-х годов подводные изыскания в северных широтах СССР (в том числе на Балтике) развивались намного более низкими темпами, нежели в теплых морях⁴⁰. К тому же дополнительные трудности для Г. Н. Караева составляли административные проблемы: «Ужасно медленно раскачиваются здешние учреждения, мастерские и пр. Вместо живой работы занимаются много совершенно не нужными разговорами, а бухгалтеры, стремясь соблюсти, как они говорят, “интересы государства”, стараются как можно больше зависеть стоимость работ, арендную плату за плавучие средства (катера, баржи) и т. д. Даже после того, как начальниками управлений отдано соответствующее распоряжение, они все же спорят, включают в проект договора такие статьи, как амортизационные расходы и вновь начинаются переговоры, снова приходится идти к высшим начальникам»⁴¹.

Чиновничий вред отчасти компенсировали энтузиазм и смекалка простых людей. Так, крепежник Шутов, когда стало ясно, что для погружения кессона не хватает второго судна, предложил и фактически реализовал собственный проект, благодаря которому кессоном можно было управлять и с одного корабля⁴².

О конкретных задачах на 1959 г. Г. Н. Караев рассказал на встрече с работниками Псковского областного краеведческого музея. Суть их заключалась в продолжении археологических наземных и подводных изысканий. И вновь Г. Н. Караев с сожалением подчеркнул в записи о встрече, что никто не мог дать пояснений по методике подводных работ, поскольку это было совершенно новое дело⁴³.

Тем не менее экспедиция предприняла попытки углубиться в дно посредством гидромонитора (донный грунт извлекается из воды и просеивается через сетку-сито). Однако к успеху такая технология не привела, поскольку хотя слой ила в 1–1,2 м и удавалось размывать (разумеется, о правильном археологическом изучении этого слоя речи не шло), но находящаяся под ним глина оказалась настолько плотной, что вычерпать ее возможности не было⁴⁴.

Каждодневные усилия по поиску следов битвы 1242 г. с помощью «грунтово-сыывающей» (термин Г. Н. Караева) техники, на которую изначально возлагались значительные надежды, успеха не приносили. Большие сложности возникали и с показаниями металлоискателей: после промыва грунта их данные не подтверждались, о чем свидетельствует одна из записей: «Тускло выглядят наши подводные работы на месте Ледового побоища, несмотря на яркое солнце и голубое небо» (16 июля)⁴⁵. Однако участники экспедиции снова и снова выезжали на озеро для зондирования дна прибором НЭКМЕТ (неконтактный металлоискатель), снова и снова работал гидромонитор. Г. Н. Караев и его подчиненные пытались менять методику поиска, но обнаружить что-либо существенное все же не получалось.

Продолжались обмеры найденного в 1957 г. укрепления. Здесь применение гидромонитора оказалось успешным, благодаря чему удалось очистить от слоя донного песка четвертую стену и даже выявить прореху в ней, которая могла служить воротами⁴⁶. Постоянно встречались подтверждения подъема уровня озера и новые следы существовавших здесь когда-то и ушедших под воду поселений⁴⁷.

В целом большая часть дневника — это описание водолазных изысканий и их обеспечения. Складывается общее впечатление, что все остальные работы того года (опросы местных жителей, археологические изыскания, встреча группы А. С. Потресова, изучавшего древние водные пути⁴⁸) в тот момент стали для Г. Н. Караева лишь малыми эпизодами главного — подводных поисков. Именно их организацией он занимался в первую очередь, они и описаны в дневнике наиболее тщательно. Переживая за результат, он старался мобилизовать силы участников экспедиции, все пристальнее следил за дисциплиной, боролся с любыми срывами работ, часто возникавшими и по вине техники, и по вине людей. Вероятно, Г. Н. Караев очень хотел поднять со дна озера относящийся к битве 1242 г. артефакт, хотя, разумеется, ему должно было быть ясно, что такая принадлежность с научной точки зрения в любом случае являлась лишь предположительной.

Что же стремился найти Г. Н. Караев? Об этом можно узнать из описания его встречи с И. Н. Ларионовым, состоявшейся в Псковском музее. Во время их разговора в помещение неожиданно зашел посетитель и принес найденный им во время купания в реке Великой боевой топор, датированный приблизительно XIII–XIV вв. Это вызвало живой интерес Г. Н. Караева: «Вот бы нам в наших изысканиях найти бы такой топор!» — эмоционально восклицает он в своей записи⁴⁹.

Однако руководителю экспедиции оставалось только констатировать неутешительный факт: «Увы! На фронте гидроархеологии мы не можем похвастаться успехами»⁵⁰.

Тем не менее, несмотря на недовольство Г. Н. Караева, главное было сделано: версия о существовании возвышавшегося в прежние века над гладью озера объекта — Вороньего камня (Г. Н. Караев называл его «скалой») — полностью подтвердилась. Удалось получить обмеры кладки древнего укрепления, расположенного на острове, выяснить, где этот Вороний камень находился,

и даже с помощью рисунков аквалангистов зафиксировать общий современный вид остатков укрепления. Думается, что с точки зрения профессионалов находка топора или иного предмета вооружения мало добавила бы к таким результатам. Потому опять-таки с профессиональной точки зрения полученные сведения были весьма существенными. Для доказательства этого тезиса приведем цитату известного специалиста подводной археологии: «Выполненными экспедицией Г. Н. Караева работами не только выявлены находки исторического характера, но и прослежена динамика изменения береговой линии озера за последние 500 лет»⁵¹.

В ходе следующего этапа — экспедиции 1960 г. — Г. Н. Караев наибольшее внимание уделял раскопкам. В его распоряжении более не имелось средств для осуществления подводных поисков, а потому в дневнике он подробно описывает свои выезды на места раскопок и беседы с археологами. Однако в данном случае от него не требовалось столь строго следить за организацией, как при работе в акватории озера: археологи П. А. Раппопорт и И. К. Голунова были профессионалами, мотивировать их оказалось занятием излишним. Как и следовало ожидать, артефактов (в том числе погребений), непосредственно связанных с Ледовой битвой, найти не удалось⁵².

Тон дневника 1960 г. по сравнению с предыдущим годом в целом намного спокойнее, носит описательный характер. Его можно сравнить с записями 1956 г. — он вновь становится похож на путевые заметки. Исчезают эмоциональные производственные совещания с выговорами провинившимся. В конце содержатся несколько листов с перечислением соображений об основных обстоятельствах битвы. Опять встречаем упоминание о засадном полке Александра, вступившем в бой «в решительный момент»⁵³.

Подведем итоги. Дневники экспедиции Г. Н. Караева позволяют детально проследить весь ход изыскательских работ от первого (почти частного) выезда до широкомасштабных правильно организованных исследований. Содержащиеся в них материалы подтверждают высокую достоверность результатов, полученных участниками работ, и это необходимо учитывать, формулируя любые выводы относительно Ледовой битвы. Экспедиция по уточнению места побоища 1242 г. носила комплексный характер, но наибольший интерес у современников вызывает подводная часть исследований. Как показано выше, этому вопросу уделял особенное внимание и ее руководитель.

Организуя подводный поиск, Г. Н. Караев выступал в качестве первоходца и не имел необходимой методологии, разрабатывая ее на ходу. Согласно данным А. В. Окорокова, систематизировавшего сведения о подводных «раскопках» в СССР, исследования Г. Н. Караева под водой Чудского озера стали первыми в послевоенное время изысканиями, которые велись во внутренних водоемах страны. В следующие годы такая практика была продолжена (с 1958 г. в Эстонии и Киргизии, с 1959 г. в Латвии и Литве, а также на реке Нерли Клязминской⁵⁴), но именно поиск Г. Н. Караева и его спутников имеет приоритет с точки зрения хронологии.

Анализ дневников позволяет также сделать ряд интересных наблюдений, которые впоследствии могут быть использованы при археографическом

анализе их текстов перед публикацией, необходимость которой, с учетом споров, ведущихся как вокруг локализации места Ледового побоища, так и вокруг самой экспедиции Г. Н. Караева⁵⁵, давно назрела.

¹ Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища 1242 г. / отв. ред. Г. Н. Караев. М.; Л., 1962.

² См. об этом: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Александр Невский. Исследования и исследования. СПб., 2018. С. 209–247.

³ См., напр.: *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: Святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 448.

⁴ См., напр.: *Долгов В. В.* Александр Невский // Вопросы истории. 2015. № 10. С. 26.

⁵ О Г. Н. Караеве см.: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Г. Н. Караев как историк войн России в XX веке // Российская государственность: власть и общество в XX веке. СПб., 2013. С. 24–26.

⁶ См. археографическое описание: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Экспедиционные дневники генерал-майора Г. Н. Караева — руководителя комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. Вторая половина 1950-х — начало 1960-х годов // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 23–35.

⁷ Творогов Леонид Алексеевич (1900–1978) — русский советский филолог, краевед, археограф, собиратель и хранитель древних рукописей, создатель древлехранилища Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

⁸ Об Э. К. Пакларе см.: *Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.* Эстонский историк Э. К. Паклар как исследователь Ледового побоища 1242 года // Александр Невский и Ледовое побоище: материалы науч. конф., посвященной 770-летию Ледового побоища. СПб., 2014. С. 116–126.

⁹ Древлехранилище Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (далее — ПГОИАХМЗ). 11953 (2). Дневник поездки в район Ледового побоища 1242 г. летом 1956 г. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 13.

¹¹ Там же. Л. 25.

¹² Там же. Л. 26.

¹³ Там же. Л. 35.

¹⁴ *Тихомиров М. Н.* О месте Ледового побоища // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1950. Т. VII, № 1. С. 88–91.

¹⁵ ПГОИАХМЗ. 11953 (2). Л. 39.

¹⁶ Там же. Л. 42.

¹⁷ ПГОИАХМЗ. 11953 (96). Дневник работ экспедиционной группы по уточнению места Ледового побоища 1242 г. (лето 1957 г.). Л. 1–75.

¹⁸ Там же. Л. 7–8.

¹⁹ Там же. Л. 16.

²⁰ Там же. Л. 68.

²¹ Там же. Л. 71–75.

²² ПГОИАХМЗ. 11953 (262). Дневник работ комплексной экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища 1242 г. (лето 1958 г.). Л. 1–69.

²³ Там же. Л. 1.

²⁴ См. об этом: *Кривошеев Ю. В., Мандрик М. В., Соколов Р. А.* Дневник поездки на Чудское озеро академика М. Н. Тихомирова (1958 г.) // Русские древности: сб. науч. трудов к 75-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 2011. С. 400.

²⁵ *Мельников В. В.* Жизнь. Кино. СПб., 2011. С. 79.

²⁶ См. подробнее: *Кривошеев Ю. В., Мандрик М. В., Соколов Р. А.* Дневник поездки на Чудское озеро... С. 400.

²⁷ См., напр.: ПГОИАХМЗ. 11953 (262). Л. 33.

²⁸ Там же. Л. 37.

- ²⁹ Там же. Л. 51, 58.
- ³⁰ Там же. Л. 41–42.
- ³¹ Полное собрание русских летописей. Т. V, вып. 1: Псковские летописи. М., 2003. С. 64; Т. V, вып. 2: Псковские летописи. М., 2000. С. 152.
- ³² Труды Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища 1242 г. С. 60–62.
- ³³ ПГОИАХМЗ. 11953 (262). Л. 50, 49.
- ³⁴ Там же. Л. 63.
- ³⁵ Там же. Л. 52.
- ³⁶ Там же. Л. 66–67.
- ³⁷ *Козаченко А. И.* Замечательный исторический урок. Ледовое побоище и Невская битва // Исторический журнал. 1937. № 3–4. С. 156–164.
- ³⁸ Труды Комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища 1242 г. С. 171, прим. 5. — Имеется в виду мысль, высказанная в брошюре: *Козаченко А. И.* Ледовое побоище. М., 1938. С. 45–46.
- ³⁹ ПГОИАХМЗ. 18481 (207). Дневник экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища 1242 г. (лето 1959 г.). Л. 1–4.
- ⁴⁰ См. об этом: *Окороков А. В.* История отечественной подводной археологии. М., 2008. С. 76.
- ⁴¹ ПГОИАХМЗ. 18481 (207). Л. 6.
- ⁴² Там же. Л. 16–18.
- ⁴³ Там же. Л. 10–11.
- ⁴⁴ Там же. Л. 38.
- ⁴⁵ Там же. Л. 65.
- ⁴⁶ Там же. Л. 59–60, 64–66.
- ⁴⁷ См., напр.: Там же. Л. 83.
- ⁴⁸ *Потресов В. А.* Тако в нас написано в летописцах... Псковский край: очерки, портреты, дневники. Великие Луки, 2012. С. 202–292.
- ⁴⁹ ПГОИАХМЗ. 18481 (207). Л. 85.
- ⁵⁰ Там же. Л. 82.
- ⁵¹ *Окороков А. В.* История отечественной подводной археологии. С. 76.
- ⁵² ПГОИАХМЗ. 18481 (532). Л. 49.
- ⁵³ Там же. Л. 58.
- ⁵⁴ *Окороков А. В.* История отечественной подводной археологии. С. 76, 77, 78, 83.
- ⁵⁵ Подробнее см.: *Потресов В. А.* Ледовое побоище: правда, мифы, ложь. М., 2017.

Статья поступила в редакцию 16 марта 2020 г.

Рекомендована в печать 4 сентября 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Об экспедициях по поиску места Ледового побоища (по материалам дневников Г. Н. Караева) // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 4. С. 964–975. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.409>
УДК 94(47).03

Аннотация: Оценка достоверности результатов, полученных в ходе работы комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища 1242 г., в последние десятилетия приобрела особенную актуальность. Для изучения этой проблемы большое значение имеют до сих пор не введенные в научный оборот неопубликованные источники — дневники, которые вел в 1956–1960 гг. руководитель экспедиции Г. Н. Караев. Анализ их содержания позволяет установить, что на первом этапе (1956 г.) были выполнены предварительные изыскания (выезд на местность, проверка данных, приведенных в трудах историков относительно географии микрорегиона, сбор информации у местных жителей).

Далее (1957 г.) усилиями Г. Н. Караева к поиску на общественных началах были привлечены специализированные организации, с помощью которых начали осуществляться в том числе водолазные работы, а с 1958 г. существенно расширившаяся деятельность экспедиции проходила уже под эгидой Академии наук СССР. Сохранившиеся в архиве документы свидетельствуют, что все сделанные наблюдения велись по плану и тщательно документировались. Помимо этого, изыскания, требовавшие специальных навыков (водолазные работы, использование аппаратуры и т. д.), выполнялись исключительно теми, кто имел надлежащую подготовку. Документы передают эмоциональную атмосферу, царившую в экспедиции: энтузиазм, стремление участников качественно выполнить поставленную задачу. Дневники экспедиции Г. Н. Караева позволяют детально проследить весь ход изыскательских работ от первого выезда до широкомасштабных правильно организованных исследований. Содержащиеся в них материалы подтверждают высокую достоверность результатов, полученных участниками экспедиции, что необходимо учитывать, формулируя любые выводы относительно Ледовой битвы. Экспедиция по уточнению места побоища 1242 г. носила комплексный характер, но наибольший интерес у современников вызывает подводная часть исследований.

Ключевые слова: Георгий Николаевич Караев, Ледовое побоище, Александр Невский, экспедиция, Псков, музей-заповедник.

Сведения об авторах: *Кривошеев Ю. В.* — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); kriwosheew@mail.ru | *Соколов Р. А.* — д-р ист. наук, проф., Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия); romansokolow@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

FOR CITATION

Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. 'Expeditions in Search of the Site of the Battle on the Ice (Based on the G. N. Karayev Expeditionary Diaries)', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 4, 2020, pp. 964–975. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.409> (In Russian)

Abstract: An assessment of the reliability of results obtained during the work of the Combined Expedition, aimed at clarifying the location of the Battle on the Ice of 1242, has gained particular relevance over the last decades. Unpublished sources still not in scholarly circulation, especially diaries kept by expedition leader G. N. Karayev in 1956–1960, but these have a great significance for studying this problem. An analysis of their content allows ones to specify that at the first stage (in 1956) there was preliminary research (field trip, examining data from historical studies on the microregional geography, collecting information from locals). In 1957, thanks to the efforts of G. N. Karayev, specialized organizations were involved in performing such tasks as diving work, and after 1958 the expedition's significantly expanded activities were done under auspices of the Academy of Sciences of the USSR. Documents preserved in the archive indicate that all the observations were carried out according to plan and were thoroughly recorded. Moreover, research that required special skills (diving work skills, work with equipment, etc.) were carried out exclusively by the people with special training. The documents also convey the emotional atmosphere that used to rule in this expedition: enthusiasm and the desire of participants to qualitatively complete the task.

Keywords: Georgii Karaev, Battle of the Ice, Alexander Nevsky, expedition, Pskov, state museum-reserve.

Authors: *Krivosheev Yu. V.* — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); kriwosheew@mail.ru | *Sokolov R. A.* — Dr. Sci. in History, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia); romansokolow@mail.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Herzen State Pedagogical University, 48, nab. reki Moyki, St. Petersburg, 191186, Russia

References:

- Dolgov V. V. 'Alexander Nevsky', *Voprosy istorii*, no. 10, 2015. (In Russian)
- Kozachenko A. I. 'A wonderful historical lesson. The Battle of the Ice and the battle of the Neva', *Istoricheski zhurnal*, no. 3–4, 1937. (In Russian)
- Kozachenko A. I. *The Battle of the Ice* (Moscow, 1938). (In Russian)
- Krivosheev Yu. V., Mandrik M. V., Sokolov R. A. 'Diary of the trip to Lake Peipsi of Academician M. N. Tikhomirov (1958)', *Russkie drevnosti: sb. nauch. trudov k 75-letiiu professora Igoria Iakovlevicha Froianova* (St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. 'Estonian historian E. C. Paclar as an explorer of the Battle on the Ice 1242', *Aleksandr Nevskii i Ledovoe poboiishche: materialy nauch. konf., posviashchennoi 770-letiiu Ledovogo poboiishcha* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. 'Expeditionary Journals of Major General G. N. Karaev, Leader of the Combined Expedition to Establish the Exact Location of the Battle on the Ice: The Second Half of the 1950s — Early 1960s.', *Vestnik arkhivista*, no. 1, 2020. (In Russian). <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2020-1-23-35>.
- Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. 'G. N. Karayev as a historian of the wars of Russia in the 20th century', *Rossiiskaia gosudarstvennost': vlast i obshchestvo v XX veke* (St. Petersburg, 2013) (In Russian)
- Krivosheev Yu. V., Sokolov R. A. *Alexander Nevsky. Research and researchers* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Melnikov V. V. *Life. Movie* (St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Okorokov A. V. *History of Russian underwater archeology* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Potresov V. A. *So it is written about us in the annals... Pskov Territory: essays, portraits, diaries* (Velikiye Luki, 2012). (In Russian)
- Potresov V. A. *The Battle on the Ice: true, myths, lies* (Moscow, 2017). (In Russian)
- Proceedings of the Integrated Expedition to Clarify the Place of the Battle on the Ice in 1242*, ed. by G. N. Karaev (Moscow; Leningrad, 1962). (In Russian)
- Schenk F. B. *Alexander Nevsky in Russian cultural memory: Saint, ruler, national hero (1263–2000)* (Moscow, 2007). (Rus. ed.)
- Tikhomirov M. N. 'On the place of the Battle on the Ice', *Izvestiia AN SSSR, Ser. istorii i filosofii*, vol. 7, no. 1, 1950. (In Russian)

Received: March 16, 2020

Accepted: September 4, 2020